

Existentia: психология и психотерапия

Учредитель: Восточно-Европейская ассоциация
экзистенциальной терапии (ВЕАЭТ)

Редакция:

Главный редактор

Литературный редактор

Даце Пурена (Латвия)

Ирина Круглова (Латвия)

Елена Коницкая (Литва)

Ритма Ласмане (Латвия)

Дизайн и компьютерная вёрстка

Английский литературный редактор

Ляонас Юдзявичюс (Литва)

Переводчик

Автор аннотаций

Анастасия Роба (Латвия)

Людмила Магасва (Латвия)

Рекомендация:

др А. Юргайтите-Авижинене (Литва)

др. Н. Иванова (Латвия)

О. Васильева (Эстония)

И. Глухова (Беларусь)

Е. Хижняк (Россия)

Редационный совет:

А. Алексейчик (Литва)

проф. Н. Артеменко (Россия)

проф. М. Бурно (Россия)

проф. А. Гнездилов (Россия)

проф. Э. ван Дорзен (Великобритания)

проф. В. Каган (Германия)

проф. Р. Кочюнас (Литва)

проф. А. Леонтьев (Россия)

проф. С. Аю Плак (Великобритания)

проф. Т. Содейка (Литва)

проф. Э. Слинссли (Великобритания)

др. К. Шнайдер (США)

Фото обложки

Рута Кейша (Латвия)

Адрес редакции (e-mail): existentia_editor@inbox.lv

© ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ, 2022

Отпечатано в типографии «Creative Sat»

Тираж 300 экз.

ЖУРНАЛ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ

EXISTENTIA:

психология и психотерапия

2022 (15)

Выходит один раз в год
Издаётся с декабря 2008 года

2022/15
EXISTENTIA

СОДЕРЖАНИЕ

НА ЗЛОБУ ДНЯ
Юлия Абакимова-Кочюнене (Литва). Мир изменился. Пять диалогов во время войны 5

ФИЛОСОФИЯ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ
Ирина Глухова (Испания). Тревожная неопределённость взаимосвязанности: экзистенциальная феноменология и повседневная практика 42
Наталья Артемченко (Россия). Исследовательский потенциал феноменологически-ориентированной оптики 67

ОСНОВЫ
Анна Молостова (Россия). Отношения терапевта и клиента как опыт «мы-интенциональности» 93

Роберт Крамер (Венгрия). Открывая экзистенциальное бессознательное. Ролло Мэй встречается с Отто Ранком 106
Виктор Каган (Германия). Трансдисциплинарная психотерапия: вольные размышления 149

ВЗРОМ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ
Justinas Grigas (Lithuania). The Role of Philosophy in Existential Psychotherapy 170

ЗАДАВАЯ ВОПРОСЫ
Диана Митчелл (Великобритания). Диалог Римаса Кочюнаса и Дианны Митчелл 188

РОДНОЕ В ИНОМ
Диана Митчелл (Великобритания), Агноте Нанда (Великобритания). Наши танцевальные стили и движения отличаются, но общий танец гармоничен 198

ОПЫТ И ПРАКТИКА
Владислав Митюрёв (Россия). Бытие в экзистенциальной терапии – гостеприимство? 215

Элиита Крейслере (Латвия) и Агне Юрайтите-Авижинене (Литва). Как мы бродили с клиентами по паркам и лесам. Беседа двух экзистенциальных терапевтов об опыте проведения терапии, с выходом с клиентами на природу Лаура Либерте (Латвия). «Война» в мирное время: самодеструкция женщины с экзистенциальной точки зрения 222

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
Татьяна Иванова (Россия). Быть со сновидением стоит 264

МОЙ СЛУЧАЙ
Виолета Дималанскайте-Казарускиене (Литва). Терапевтические уроки напряжённых терапевтических отношений 275

IN MEMORIAM

Семён Есеевсон (Россия). Привыкайте к чудесам. Памяти А. В. Гнездиловой – доктора Баду 289

SUMMARY

298

ИНФОРМАЦИЯ О ВОЗМОЖНОСТЯХ

Восточно-Европейская ассоциация экзистенциальной терапии 330

Институт гуманистической и экзистенциальной психологии 332

CONTENTS

THEME OF THE DAY

Julia Abakimova-Kociūnienė (Lithuania). The World Has Changed. Five dialogues in times of war 5

PHILOSOPHY AND EXISTENTIA

Irina Glukhova (Spain). Anxious Indeterminacy of Mutual Dependence: Existential Phenomenology and Daily Practice 42

Natalya Artemenko (Russia). Research Potential of Phenomenologically Oriented Vision 67

FOUNDATIONS

Anna Molostova (Russia). Relations Between Therapist And Client as “We-Intentionality” Experience 93

Robert Kramer (Hungary). Discovering Existential Unconscious: Rollo May Encounters Otto Rank 106

Viktor Kagan (Germany). Transdisciplinary Psychotherapy: Free Reflection 149

Justinas Grigas (Lithuania). Role of Philosophy in Existential Psychotherapy 170

RAISING QUESTIONS

Diana Mitchell (UK). Dialogue between Rimasa Kociūnas and Diana Mitchell Who I Still Am 188

OWN IN OTHER

Diana Mitchell and Jyoti Nanda (UK). Our Steps and Styles Are Different, But Our Dance Is Harmonious 198

EXPERIENCE AND PRACTICE

Vladislav Mityurev (Russia). Being in Existential Therapy - Hospitality? 215

Elita Kreislere (Latvia) and Agne Jungaitytė-Avižiniene (Lithuania). How We Walked with Our Clients in Parks and Forests 222

Laura Liberte (Latvia). «War» at the Time of Peace: Female Self-Destruction from an Existential Point of View

240

CREATIVE LABORATORY

264

MY CASE

275

IN MEMORIAM

289

SUMMARY

298

INFORMATION AND POSSIBILITIES

330

332

Tatyana Ivanova (Russia). It Is Worthwhile Being with a Dream

Violeta Cimbalanskaitė-Kazlauskienė (Lithuania). Therapy Lessons in an Intensive Therapeutic Relationship

Senyop Eselson (Russia). Get Used to Miracles. In Memory of Andrey Gnezdilov – Doctor Balu.

East-European Association for Existential Therapy
Institute of Humanistic and Existential Psychology

Дорогой читатель!

Мир горит, как обложка нашего журнала. Не как костёр, не как солнце в закате, а как необратимая, жестокая боль, которая собой покрывает всё. Как горю я, а как ты? Есть ли какое-то МЫ в этом горении? Юлия Абакумова-Кочюнене интересуется феноменологией проживания войны в пяти очень разных разговорах с нашими коллегами. КАК становится центральным вопросом этого времени – не даром в этом номере так много статей о феноменологии. Советую углубиться в статьи Натальи Артеменко, Ирины Глуховой и Анны Молоствовой. Но, оказывается, даже в мирное время можно прожить войну в семейных отношениях. Статья Лауры Либерте о самодеструкции женщины показывает, что происходит с нами, когда мы впускаем войну внутрь себя. Но, когда боли, представленной самой жизнью, становится слишком много, и мы решаем просто поспать, появляется ещё одно КАК – о нашем мире во сне. Феноменологию снов встретишь в статье Татьяны Ивановой. И я от всего сердца желаю, чтобы наши сновидения в это горящее время оказались хоть немного спокойнее и радостнее, чем реальность. ©

Аице Пурена
главный редактор

МИР ИЗМЕНИЛСЯ

Пять диалогов во время войны

Беседовала Юлия Абакумова-Кочюнене (Литва)

*Танки идут по Праге
в закатной крови рассвета.
Танки идут по правде,
которая не газета.*

*Танки идут по соблазнам
жить не во власти штабтов.
Танки идут по солдатам,
сидящим внутри этих танков. <... >*

*Танки идут по склепам,
по тем, что ещё не родились.
Чётки чиновничьих скрепок
в зусеницы превратились. <... >*

*Чем же мне жить, как прежде,
если, как будто рубанки,
танки идут по надежде,
что это – родные танки?..*

Евгений Евтушенко, 1968 г.

24 февраля 2022 года. Мой мир изменился. В одночасье. Ружьими отпоры представлений о моём родном государстве, его прошлом и настоящем, его проявлениях в отношениях с другими странами, историей и намерениях, о соотечественниках и о себе. Российские танки вторглись на территорию Украины. Этого не может быть. Мне нужно только вовремя проснуться, и этот ужас рассеется. А как же: «Хотят ли русские войны?..» А потом мысль: «Как хорошо, что до

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИ- ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОПТИКИ

Наталья Артеменко (Россия)

...полнизи собираешь, а потом начинаешь раздавать. Это не только про [короля] Дира. Про каждого. Совершить обратное движение, закончить цикл: родиться, приобрести множество качеств, власть, собственность, славу, знания, привычки. Личность обрести, а потом всё с себя скинуть. И саму личность. Дойти до полного, изначального обнажения, до состояния новорожденности, первоначальности.

А. Улицкая «Дестница Якова»

– Никогда не бывало такого времени, чтобы благодаря самому себе я был убежден в том, что в самом деле вижу. Все вещи вокруг я представляю себе настолько хрупко, что мне всегда кажется, будто они жили когда-то, а теперь уходят в небытие. Всегда, дорогой сударь, я испытываю мучительное желание увидеть вещи такими, какими они, наверно, видятся, прежде чем показать себя мне. Они тогда, наверно, прекрасны и спокойны...

Ф. Кафка «Описание одной борьбы»

В последние годы феноменология¹ привлекает всё большее число представителей из самых разных отраслей (психологии, социологии, психиатрии, психотерапии, антропологии и др.). В психологии и психотерапии это связано, помимо всего прочего, с

¹ Термин «феноменология» впервые встречается в «Новом органоне» (1764) Иоганна Генриха Ламберта как название его «учения о видности». Иммануил Кант в одном из писем к Ламберту размышляет о «феноменологии generalis» как о прогедветической дисциплине к метафизике. В философии Иоганна Готлиба Фихте феноменология приобретает черты учения о бытии сознания и его фактах. «Феноменология духа» (1807) Георга Вильгельма Фридриха Гегеля – это развертывание диалектического процесса саморазвития духа, процесса, охватывающего с системой его самопознания и восхождения к абсолютному знанию в понятии. Самостоятельную значимость понятие феноменологии приобретает в XX веке, будучи обозначением одного из ведущих направлений современной философской мысли. В 1889 г. Франц Брентано использует этот термин, чтобы охарактеризовать то, что он называл «дедуктивная психология». Эдуард Гуссерль замечает этот термин для своей новой науки о сознании, положив начало феноменологии в своих «Логических исследованиях» (1900-1901).

установок, нежели одним из наиболее пронизательных и глубоких их критиков». Переставая «быть инструментом социальной критики и принимаемая существующее положение вещей», психотерапия превращает свою «отважную инициативу в безжизненную посредственность»³⁸.

Да, мы не в силах убедить одних перестать убивать, и мы не имеем никакого морального права уговаривать других примириться с ужасами войны как с онтологической данностью. Но мы можем сделать то, что в наших силах – вернуть «психотерапевтическим идеям и практике социальную осознанность и критичность»³⁹. А это значит – называть войну войной, говорить о том, что вторжение в другую страну – преступление, у которого не может быть оправданий, и призывать к решению социально-политических конфликтов социально-политическими средствами. ©

³⁸ Спиналли Э. Зеркало и молоток. Выводы ортодоксальному психотерапевтическому мышлению. Минск: И.П. Логвинов, 2009. С. 15.

³⁹ Там же С. 34.

Рождение феноменологии вершилось в муках, Э. Гуссерля неоднократно охватывали мучительные приступы сомнения, так что вопрос о мотивации феноменологии и феноменологов не является, как это может показаться, второстепенным, поскольку сам Гуссерль считал мотивацию основным законом духовной жизни. Важно отметить, что в основе феноменологической философии лежит экзистенциальная мотивация. Понимающий себя человек, человек в модусе собственного экзистирования, как сказал бы Хайдеггер, неизбежно (рано или поздно) оказывается поставленным перед необходимостью разрешения вопроса о предельных основах собственного бытия. Перед таким «жизненным вопросом» оказался когда-то и сам Гуссерль. Прочитируем здесь его дневниковую запись, датированную ещё 1906 годом, на заре рождения феноменологии: «На первое место я ставлю общую задачу, которую я должен для себя решить, если я могу позволить себе называть себя философом. Я имею в виду критику разума. <...> Не приведу к ясности, в общих чертах, смысла, существа, методов, основных вопросов критики разума, <...> я не смогу истинно и по истине жить. Мук неясности, расквашивающего гуда-суда сомнения я претерпел достаточно. Я должен прийти к внутренней твёрдости. Я знаю, что при этом речь идёт о великом и величайшем, я знаю, что великие гении потерпели крах в решении этой задачи, и если бы я захотел сравниться с ними, я должен был бы заранее впасть в отчаяние» (Гуссерль, 2006, 210). То, что феноменология несёт в себе заряд критики – постоянно возобновляемой, никогда заранее не предрешённой, – составляет её существенную черту.

В наше время под «феноменологией» понимается философское движение, а также своеобразная практика осмысления, пытающаяся проникнуть к истокам человеческого опыта и познания. Феноменология призвана описать непосредственный контакт человека с миром. Именно общая идея феноменологии как способа прояснения, обоснования и работы с чем-либо в опоре на самоочевидный (непосредственный) опыт и привлекла внимание целого ряда известных психологов, психиатров и психотерапевтов XX века.

В наше время под «феноменологией» понимается философское движение, а также своеобразная практика осмысления, пытающаяся проникнуть к истокам человеческого опыта и познания. Феноменология призвана описать непосредственный контакт человека с миром. Именно общая идея феноменологии как способа прояснения, обоснования и работы с чем-либо в опоре на самоочевидный (непосредственный) опыт и привлекла внимание целого ряда известных психологов, психиатров и психотерапевтов XX века.

заметным ростом интереса к качественным исследованиям, всё более углубляющимся в непосредственную ткань живого опыта.

Путь Эдмунда Гуссерля в философии определялся, как принято считать, не только критикой важнейших для его времени философских направлений и школ, но и внутренним развитием его собственного феноменологического метода, упрочением той рефлексивной воли, которая руководила его поистине экспериментальными исследованиями. В этом смысле можно утверждать, что феноменология – это развивающаяся, а потому не догматическая (то есть окончательно сформировавшаяся и не нуждающаяся в изменении) наука.

Феноменологический метод, как он был предложен Э. Гуссерлем и традиционно использовался в феноменологических исследованиях, рассматривался как способ интуитивного прояснения, рефлексивного анализа и всестороннего описания разного рода предметного содержания, представленного в сознании, позволяющий привести к ясности, строгости и адекватности используемые нами философские, научные понятия и положения. Феноменологический метод представляет собой попытку уяснить феноменам более полное внимание, своеобразную попытку обогатить мир нашего опыта, показав некоторые из его ранее игнорировавшихся аспектов. Известно, что одной из первых попыток использования феноменологического метода за пределами философии стало его использование для описания психопатологических феноменов. В таком виде этот метод применялся К. Ясперсом и его последователями, уделявшими много времени интервью с пациентами, в которых подробно расспрашивали об их состоянии. При этом под «феноменологическим описанием» понималось описание переживаний человека, а не их интерпретации с позиции той или иной теории или здравого смысла. Позднее, в противовес каузальному подходу З. Фрейда, ориентированному на поиск скрытых причин поведения человека, «экзистенциальная терапия» настаивала на важности дескриптивного подхода, ориентированного на раскрытие способа протекания некоторого опыта.

Если говорить о психологии и психотерапии, то феноменологический подход выступает сегодня как один из самых неидеологизированных подходов, с минимальным количеством исходных теоретических допущений. В отличие от подходов, в которых человек оказывается заранее проинтерпретированным с точки зрения той или иной концепции личности и психики, феноменологически ориентированная психотерапия рассматривает человека, исходя лишь из представления о наличии у него неких актуальных состояний и возможности непосредственной работы с ними. Это такая форма исследования и практики, которая направлена на прояснение и описание некоторого первичного опыта и переживаний. Психотерапевт апеллирует здесь лишь к тому, что дано, избегая привлекать к анализу готовые объяснительные модели. Объяснению и интерпретации как традиционным в психотерапии методам работы с проблемой феноменологический подход противопоставляет описание (дескрипцию) как метода. Достоинство подобного подхода в том, что он позволяет психотерапевту не потонуть в возможных интерпретациях проблемы, работать с реальными состояниями клиента. Но это требует определённых усилий со стороны психотерапевта, в первую очередь, в отношении самого себя. Для прояснения того, что такое феноменологически-ориентированная психотерапия, напомним тезиса, который требует подробного комментария: феноменология – это, в первую очередь, форма радикального самоисследования (специфическая практика себя или «забота о себе»).

Феноменология, понимая как постоянно возобновляемая критика себя и своей исследовательской позиции (что, вообще говоря, прописано в процедуре самого феноменологического метода у Гуссерля), последовательно, шаг за шагом, раскачивает лодку нашего здравого смысла, расшатывает наше сознание, уверенное в своей непоколебимой целостности и однажды обрётённой идентичности. Человеку свойственно не только впадать в догматический сон сознания, но и жить в нём. Борьба со сном сознания становится своеобразной задачей философа-феноменолога, его настоящим призванием, ибо сон разума, как мы помним, рождает чудовищ, но можно про-

должить этот ряд – платных троллей, встроенные мнения, матричные тексты, анонимные зоны сознания. Но как разорвать дурную бесконечность и научиться мыслить независимо – независимо от человеческого всегда-уже-вовлечённости в мир? Как прервать этот сон мира, в который погружены живые существа? И возможно ли?.. «... «пробуждение от догматического сна» оказывается не однократным биографическим событием, а каждый день возобновляемым усилием: чтобы развернуть любую философскую проблему, нужно всякий раз провоцировать разрыв плена вовлечённости <...> я бы хотел подчеркнуть здесь пувальсирование догматического сна: удивительное противоборство догматического сна с разрывами, полусознанного сна <...> можно мыслить сомнамбулически, блуждать и застревать, но можно вшить и «встроенный напоминатель», который сделает для нас возможным удивительное противоборство догматического сна с разрывами, полусознанного сна. Философствование – это постоянная сборка такого встроенного напоминателя», – замечает в своей книге «Философия тролля: феномен платных ботов» Георгий Чернавин (Чернавин, 2021, 59-60). В связи с этим усилием будет введено понятие феноменологической установки, которая может быть рассмотрена как такой «встроенный напоминатель», делающий для нас возможным удивительное противоборство со сном сознания.

Перед нами сейчас (со второй половины XX века) разворачивается *трагическая* история современного субъекта, которого оккупируют платные тролли, захватывают встроенные мнения, у которого собственное мнение может не совпадать с мнением, высказанным им от первого лица, который уже давно и основательно «влип» в повсеместно используемые идеологические и пропагандистские клише² и который забыл, а, может быть, никогда и не знал,

² <...>

На каждый вопрос вручили ответ.

Всё видно, не видите вы ни зги.

Стали матрицами газет

ваши безропотные мозги.

<...>

«Квадраты» (стихотворение ленинградского поэта Владимира Лифшица (1913-1978)).

лет доступными нам подлинные объективные предметы...» (Шелер, 1994, 384). Философия, понимаемая как философствование – это постоянная сборка «себя», *обращение на самое само*, открытие – снова и снова, раз за разом – *неведомого* мне моего я, практика видения, или «сборка встроеного напоминателя». О чём мне напоминает этот «напоминатель»? О том, что решив воздерживаться от всех суждений, принятых на веру, я действую как философ, но проложу жить как человек, и в этой второй своей ипостаси я продолжаю жить *в мире, как он действительно есть здесь*, но для меня (как философа) странном, поскольку моя родина (философская) – в другом месте, всегда *не здесь*. Окажутся странным/сторонящимся/странником решительным всему – аналог феноменологической установки. Феноменолог, как когда-то Декарт, или Сократ, вводит нас в сомнение, ставит собеседника в положение человека, пребывающего в сомнении, заставляет опознать себя сомневающимся. Это, как можно полагать вслед за Фуко, упражнение в мышлении, *медити*, *meditatio* – «мысленное упражнение», позволяющее добиться того же, чего добивался Сократ от Алкивиада, – умения взглянуть на себя самого со стороны, чтобы опознать *самое само*. Но что нам делать в тот момент, когда мы «вспомнили себя», испытав *шок узнавания*? Возможный ответ: идти до конца. И когда я *разверну*е совершу до конца, сам труд мысли окажется нравственен: отсутствие «моральной тошноты» есть признак того, что «меня» нет, а «если «меня» нет, то всё дозволено» (Чернавин, 2021, 86).

Таким образом, феноменология предлагает такой оптический, если угодно, приём – вслушиваться и вычленять встроённые мнения. Феноменология продолжает испытывать ум, исходя из самого ума, и в этот «ум» можно «вживить» «встроённый напоминатель», призванный периодически вызывать нас из сна, пробуждать к трансцендентальной жизни, как сказал бы Гуссерль, из которой мы все «вышли». В этом шаге *от себя к себе* мы обнаруживаем себя палящими над бездной, впрочем, мы всегда над ней, но каждый раз избтаем встречи с *тем, что уже есть*.

Как может позаботиться о себе «субъект» в современном

как из них «вылипать»? Каков статус этого мерцающего субъекта? Он пассивен? Он анонимен? Его захватывают, его отпускают... а «где» при этом он *сам*? И как мы можем сейчас помыслить старое сократовское *самое само*? До того, как Алкивиад «обратился» на себя (Платон, 1994), его как, собственно, «себя» и не было. Обращение на «себя», по сути дела, впервые образует «себя» как имение места, как *притязательное местимение*³, потому что «собой» является только тот, кто уже обратился на себя и как бы смотрит на себя самого с некоторого расстояния. Вот эта самая дистанция от «себя», возникающая в результате обращения как самодистанцирования, и делает первые «собой». В этом случае результатом «обращения на себя» оказывается именно *знание*, причём знание *истинное*, то, о котором говорится в мифе о пещере (VII книга диалога «Государство» Платона), так как *обращённый взгляд* научается видеть *сущности*, видеть «вещи такими, какими они, наверно, видятся, прежде чем показать себя» (Ф. Кафка). Зрячем, так обращённому на самое само уму, открывается мир *сущностей*.

Все эти сюжеты нам хорошо известны. Следуя старой стоической подозрительности к самому себе, Декарт призывает нас открыть *неведомое мне моё Я (nescio quid mei)* – так возникает главный персонаж новоевропейской метафизики, незаинтересованный сторонний наблюдатель всего и вся – трансцендентальный субъект, который есть само *сторонение*, сам принцип *взгляда со стороны*. С какой стороны? Ответ нам, казалось бы, так же известен: со стороны *никакой*, и в этом смысле всеобщей, совершенно пустой в своей всеобщности, то есть со стороны совокупного человеческого разума. Феноменология продолжает эту линию «вылипания» из себя. Макс Шелер пишет, что феноменология – это имя, «обозначающее *установку духовного видения*, при котором человек получает возможность видеть и переживать нечто, что без такой установки остаётся скрытым: «именно царство «фактов» особого рода». Что же это за царство такое? «Существует опыт, предметы которого остаются для «рассудка» совершенно недоступными; для которых он так же слеп, как ухо и слух – для красок. Но такой род опыта де-

³ См. работы М. Фуко, С. С. Хоружего, А. Г. Поганяило.

сбы, к возможностям своего собственного опыта, тогда я могу увидеть Другого как Другого, «вместить» его опыт (в этой связи Древние говорили о великодушии: это способность великой, то есть – большой, души вместить в себя многое). Сопереживание возможно тогда и только тогда, когда я готов к принятию Другого в качестве некоторого радикального нового опыта? Но отправная точка этого принятия – это то самое «я», которое мы в себе носим, но которое не всегда знаем⁶.

Помимо основательно разработанной редуктивной системы феноменологического метода, феноменология раскрывает нам опыт, представленный в определённом рефлексивном движении⁷. Под рефлексией в феноменологии понимаются все моудусы схватывания внутреннего опыта. Этот опыт обладает одной важной особенностью – имманентностью, так как рефлексия и её предмет – рефлектируемые акты сознания – принадлежат одной и той же бытийной сфере – сфере «моего собственного». Я учусь работать с собственным сознанием. Я учусь его познавать. Это подразумевает расставание с безотчётным и стихийным существованием (пробуждение от догматического сна) – на какое-то время. «Говорить о фен-

⁵ «Для того, чтобы найти себя в нравственном смысле этого слова, нужно преодолеть себя. Чтобы найти себя в интеллектуальном смысле слова, то есть познать себя, нужно суметь забыть себя и в самом глубоком, самом серьёзном смысле «присматриваться» и «прислушаться» к другим, отрешаясь от всех готовых представлений о каждом из них и проявляя честную волю к непредвзятому пониманию. Иного пути к себе нет. Как сказал философ Генрих Якоби, «без «ты» невозможно «я»» (Аверинцев, 1969, 101).

⁶ Войти в отношение к самому себе, озавоветись собственным существованием как своей собственной задачей не означает сведения этой задачи к набору определённых правил, выполнение которых гарантирует субъекту его собственное бытие. В наше время имеет место такая техническая интерпретация заботы о себе. Более того, она породила новую культуру – т. наз. «тренинговую культуру», которая сегодня во многом определяет стиль заботы о себе. Психологические, экономические, управленческие тренинги, корпоративные и инкорпоративные тренинги, коучинг, включающий общение с личным коучером и т. п. Современный человек ищет гарантий. Но Михаил Бахтин любил говорить, что у человека нет любви в бытии.

⁷ «Феноменологический опыт – это, естественно, не что иное, как та рефлексия, в которой нам становится доступным психическое в его собственной сущности, причём рефлексия, которая мыслится в качестве осуществляемой в теоретических интересах и которая последовательно проводится, так, что подвижно-текущая специфическая жизнь «я», жизнь сознания не только поверхностно осматривается, но эксплицируется в созерцании в соответствии со своими собственными сущностными составными частями и во всех горизонтах» (Гуссерль, 1992, 64).

мире с навязанным ментальным автоматизмом и «традиционными ценностями»⁴, окружённый платными троллями, ботами и роботами? В феноменологии речь идёт о практиках трансформации субъекта, о вполне определённых методологических процедурах, с помощью которых мы можем привести себя в такое состояние, в котором мы будем способны узреть сущности.

Одной из таких практик является феноменологическая редукция (*эпохе*) – которая по сути своей представляет собой радикальное преобразование философствующего субъекта. Гуссерль сравнивает феноменологическую установку, приобретаемую с помощью процедуры редукции, с «религиозным обращением»: «Тотальная феноменологическая установка и соответствующее ей *эпохе* прежде всего по своему существу призваны произвести в личности полную перемену, которую можно было бы сравнить с религиозным обращением, но в которой помимо этого скрыто значение величайшей экзистенциальной перемены, которая в качестве задачи предстает человечеству как таковому» (Гуссерль, 2004, 187).

В этом смысле, феноменология продолжает древнюю линию «заботы о себе» (*сита мии*), которую мы находим ещё в античности и, далее, через эллинистическую философию и христианство можем проследить вплоть до наших дней. Не изучив себя, я не смогу помочь Другому, я не услышу и не увижу его как Другого. Вспомним здесь Сенеку, представителя римского стоицизма: он говорит о том, что рабство у себя, рабская зависимость от себя – это то, с чем мы должны бороться, чтобы достичь «блаженной жизни».

То, что Сенека называет «рабством» у себя, Гуссерль именуется «естественной установкой». Это не плохо, и не хорошо. Это то, с чем мы живём изо дня в день, не замечая этого, не понимая, и потому находясь в плену у того, что владеет нами, – наши анонимные мнения, привычки, суждения, бесконечно длящийся догматический сон. Так, если мы не знаем, что владеет нашим сознанием, можем ли мы помочь Другому сознанию? В конечном итоге, точка входа к Другому – это момент самоисследования. Когда я готов к расширению

⁴ В «подвешивании» подобных пропагандистски ангажированных «ценностей» можно видеть своеобразный потенциал феноменологии в борьбе с разными видами идеологии.

огда у нас появляется шанс стать самими собой и встретиться с самыми вещами, а не с их симулякрами, иначе говоря, привычными обрезами вещей или значениями (Погоняйло, 2017, 247-264).

Нужно, как говорит Хайдеггер, взять на себя труд понимания, нова поставить вопрос о том, кто мы. И Хайдеггер нам рассказывает миф: «Когда однажды «Забота» перешла через реку, она увидела единственную почву: задумчиво взяла она из неё кусок и начала формовать его. Пока она сама с собой раздумывает о том, что создала, подходит Юпитер. Его «Забота» просит, чтобы он придал дух формованному куску глины. Это Юпитер ей охотно предоставляет. Когда она, однако, захотела теперь надлить своё создание своим именем, Юпитер запретил и потребовал, чтобы тому обязательно дали этого имя. Пока спорили об имени «Забота» и Юпитер, поднялась также и Земля (*Tellus*) и пожелала, чтобы слепленному было наложено её имя, поскольку она ведь всё же наделила его своим телом. Спорящие взяли Сатурна судьей. И Сатурн им выдал следующее, по видимому, справедливое решение: «Ты, Юпитер, поскольку дал дух, при его смерти должен получить дух, а ты, Земля, поскольку подарила тело, должна получить тело. Поскольку, однако, «Забота» первая образовала это существо, то пусть, пока оно живёт, «Забота» им владеет. Поскольку же об имени идёт спор, то пусть существо называется «*homo*», раз оно сделано из *humus* (земли)». <...> История значения онтического понятия «*сига*» позволяет усмотреть ещё и дальнейшие основоструктуры присутствия (*Dasein*). Бурдах обращает внимание на двоякий смысл термина «*сига*», по которому он означает не только «тревожную хлопотливость», но также «тщательность», «преданность». Так Сенека пишет в своем последнем письме: «Из четырёх существующих природа (дерево, животное, человек, Бог) две последние, которые одни наделены разумом, отличаются тем, что Бог бессмертен, человек смертен. Из них же благо одного, именно Бога, осуществляет его природа, другого, человека, – работа (*сига*)...» (Хайдеггер, 1997, 197-199). Пока живёт человек – работа им владеет, рассказывает нам миф. Работа неразрывно связана,

номенологии, – возвещает в начале своего Марбургского доклада Адольф Райнах, – самое напрасное занятие в мире, пока отсутствует то, что только и может придать всякой речи конкретную полноту и наглядность: феноменологический взгляд и феноменологическая установка» (Райнах, 2001, 349).

Этот «феноменологический взгляд» – и есть способ представить феномен как он есть, дать ему явиться, освободить нас от кажимости вещей⁸. Феноменологическая практика в этом смысле может быть понята как практика свободы.

Ищет себя тот, кто себя потерял, и значит, у него есть шанс себя найти⁹, а вот не потерявший себя вполне безнадёжен, потому что ему не выйти за горизонт своего мира, в котором он успел освоиться и был освоен, присвоен или отвергнут другими. Когда-то он научился относиться к себе и вести себя, «как люди» – это большое завоевание, у него теперь всё, «как у людей», и он этим, если и не полностью, то всё же удовлетворён. Беда жителей платоновского мифа о пещере в том, что они много знают и во многом хорошо разбираются. Как пишет А. В. Ахутин, «всё теряется не в неизвестности, а, напротив, в знакомстве. В том, как мир сообща освоен, в форме освоенности, каждое безразлично присвоено другим» (Ахутин, 2007, 463). Мы все «извлечены из собственной тьмы» воспитанием и образованием, но «заблужденность бытием может оказаться сильнее наученности быть» (Там же). Когда пересиливает наученность быть (а чаще всего так и случается), бытие уходит в тень сущего, забывается; когда заблужденность бытием оказывается сильнее, тогда и только

⁸ В 1929 году французский сюрреалист Рене Магритт, который любил играть со смыслами и образами, написал картину «Вероломство образов». На ней нет ничего, кроме реалистичного изображения курительной трубки с подписью «Это не трубка». Сочетание изображения и подписи кажется на первый взгляд простой нелогичностью, но технически Магритт не обманывает – перед нами действительно не трубка, а изображение трубки. Мало того, в нашем случае есть ещё как минимум одна интерация: оригинал картины «Вероломство образов» находится в Художественном музее Лос-Анджелеса, а мы сейчас смотрим, допустим, на цифровую копию репродукции. Своей работой Магритт запустил новый виток дискуссий о соотношении вещей и образов (идей). (см. Приложение 2).

⁹ Библихин В. В. (из материалов лекций): «Нет ничего лучше потерянности и растерянности». Задержаться в растерянности полезно бывает как психотерапевту, так и клиенту.

я не вижу и которые находятся за моей спиной, на веранду, погом в сад, к детям, которые играют в беседе, ко всем тем объектам, о которых я как раз «знаю», что они пребывают тут и там в моём непосредственно о-сознаваемом окружении» (Гуссерль, 1999, 66). Такая же ситуация может быть и с нашим восприятием клиента. Допустим, клиент рассказывает о своей проблеме, а мы незаметно для себя помещаем рассказ клиента в наше представление о реально существующем мире, мы начинаем «домысливать» историю этого человека, его прошлое и будущее. Чем же плохо это домысливание? Оно кажется очень естественным и логичным, но проблема в том, что если у нас появляется представление об объективно существующей жизни клиента за границами его непосредственного рассказа, то она тут же рождает целый ряд представлений и убеждений, научных знаний и культурных установок. Мы можем начать проводить диагностику, определять тип характера, структуру личности, думать о психологических травмах прошлого, предугадывать будущее развитие проблемы клиента, разгадывать скрытые мотивы и содержание бессознательного. Все эти домыслы заслоняют от нас самого клиента и его переживание, как оно нам непосредственно дано. Гуссерль называет это домысливание «естественной установкой» сознания и предлагает реуцировать её или, другими словами, выключить. Заметьте, нам не нужно отрицать реальность или отказаться от неё, нам нужно лишь не придавать ей никакого веса вместе с её теориями, установками и суждениями. С чем мы остаёмся после выполнения процедуры феноменологической реукации? Мы остаёмся с нашим переживанием клиента, его речи, его тела. В перспективе психологической работы важно, что у нас появляется возможность для более полного, богатого и свободного восприятия и понимания клиента. Мы избегаем невольного игнорирования различных аспектов опыта, что неизбежно, когда начинает действовать естественная установка. В процессе такого взаимодействия клиент и сам постепенно усваивает ценность внимания к своему переживанию, доверия себе, получает свободу быть автором своей жизни, а не

таким образом, с конечностью времени *Dasein*, и забота двойственна: это или возможность становления «собственных возможностей», или погружение в «озабочивающий» мир. «Соответственно, забота — или «заботливость» и «преданность» своей самости, или «боязливые хлопоты» в «реальном мире»» (Молчанов, 1998, 102).

Таким образом, феноменология призывает нас для проведения любого исследования исходить не из готовых теорем и догм, а совершить своеобразный «приход в себя», сопровождающийся выходом из естественной установки, из безотчётного существования и погружённости в озабочивающий мир — в «заботливость» как «преданность» себе, в феноменологическую установку. Для того, чтобы встать на феноменологическую установку, занять её, требуется очистить собственное видение. Это возможно с помощью метода феноменологической редукции. Хорошая новость состоит в том, что феноменологическую установку невозможно имитировать, сыграть, как бы принять на себя роль феноменолога. Поэтому профессиональный рост в гуманистических и экзистенциальных подходах всегда связан со становлением личностным. И поэтому в самом начале мы и отметили, что феноменология — это форма радикального самоисследования. Феноменологическая установка выступает необходимым элементом терапевтического процесса, она даёт ответы на многие вопросы проведения самой терапии.

Итак, входом в феноменологическую установку становится феноменологическая редукция. Собственно, феноменологическая редукция — метод Гуссерля, созданный им для очищения восприятия от предположек, — и объясняет нам, как достичь такого состояния сознания, чтобы ничто не мешало воспринимать вещи, «как они есть сами по себе» (воспринимать клиента, «как он есть»). В чём тут проблема? Дело в том, что мы постоянно додумываем реальность за границами непосредственно воспринимаемого. Например, мы смотрим на письменный стол и воспринимаем только стол, но одновременно «моё внимание от письменного стола, который я вот только что видел перед собою и который принимал особо к сведению, способно отправиться гулять через те части комнаты, которые

Как бабка-повитуха, слишком старая, чтобы рожать самой, умест, однако, помочь другим разрешиться от бремени и оценить жизнеспособность новорожденного, так и он, Сократ, не рождает уже знаний, идей, теорий, доктрин, учений и потому не может ничему такому научить. Не имеет он заранее никаких теорий, ничего не знает ни о знании, ни о мире, ни о чём другом. Но может помочь другому разродиться мыслью, которую тот чреват. Вот, стало быть, в чём искусство сократического вопрошания обретает своё настоящее дело: не разоблачать мнимую мудрость, а помогать мысли родиться, воспитаться и стать на ноги. Образ повитухи намекает не только на то, как действует философия, не только на то, что её занимает, но наводит на мысль и о *прагматическом* смысле философского дела: *зачем* оно нужно. Философия, видно, призвана помогать каким-то трудным *родам*. Ведь человеческий мир и правда всегда чреват *возможностями*, он – *историчен*. И если философ допускает *скрытые возможности*

¹⁰ Это искусство вопрошания тесно связано с такой специфической вербальной практикой, как «парресия» («παρρησία» (др. греч.) – «свободная речь», «откровенность», «правдивость», «прямота», тот, кто практикует парресию, тот говорит истину). Функция парресии, отмечает Фуко, «не доказывать истину», главная функция парресии – «критика критика самого себя (того, кто говорит) или собеседника», поэтому парресия предлагает *определённый риск*. Парресия представляет собой такую разновидность речевой деятельности, в рамках которой «тот, кто говорит, поддерживает специфическое отношение с истиной, определяемое искренностью, отношение с самим собой, определяемое опасностью, <...> отношение с другими, выражаемое в критике – себя или других. Говоря точнее, это речевая деятельность, в которой субъект с риском для собственной жизни выражает своё личное отношение к истине, поскольку полагает, что его долг – высказывать истину, чтобы сделать других лучше или помочь им. В парресии тот, кто говорит, применяет свою свободу и выносит истину, а не ложь, смерть, а не жизнь и безотласность, критику, а не лесть, наконец, долг, а не корысть и эгоизм. Таково общее значение слова «парресия» <...> в большинстве греческих текстов с V в. до н. э. по V в. н. э.». Философская парресия тем самым связывается с темой заботы о себе (*epimeleia heautou*). У эллинов парресия настолько сблизилась с заботой о себе, отмечает Фуко, что стала рассматриваться в первую очередь как *искусство духовного наставления* в целях «воспитания души».

«... в греко-латинской философии и в первые века нашей эры философская парресия по-прежнему остаётся связанной с темой заботы о себе. Философ должен быть парресиастом, по-прежнему должен призывать людей заботиться о себе. Однако парресия – не просто мужество философа, помогающего людям открыться то, что они не знают <...>, парресия не сводится к приёму вопрошания, и теперь это не только устная форма... но ещё и процедура <...> это ещё и довольно изощрённая техника, благодаря которой философ направляет своего ученика или друга. Парресия становится техникой духовного наставничества» (Фуко, 2021, 100, 103, 125).

плеником внешнего суждения или теории. Гуссерль называет феноменологическую редукцию «возвращением к истокам, которые теряются из виду в торопливом повседневном мышлении». Перефразируя, можно сказать, что, практикуя этот метод в консультативной практике, мы возвращаемся к самому клиенту, которого можем терять из виду за нагромождением психологических знаний и личных оценок.

Обратим внимание также на то, что феноменологический и экзистенциальный анализ – это, вообще говоря, разговорный жанр. Задавать вопросы, иногда провокационные, конфронтировать, уточнять, быть настойчивым, даже занудливым. Снова и снова задавать вопросы о том, что человек в его актуальной ситуации чувствует, что она, ситуация, с ним делает, что он думает о происходящем, каковы его суждения о ней, что он считает правильным, а что – нет, как ему следует действовать, что он может сделать, а что – пока нет и т. д. Вопросы – лучшие провокаторы. Они обращают клиента к себе, снова и снова заставляют слушать себя, искать собственные тихие ответы, *различать свой голос среди чужих голосов*. Можно сказать, что феноменологически-ориентированную психотерапию «ведёт» вера в то, что в каждом человеке под спудом симптомов и комплексов бьётся «живое Я», стремящееся расслышать само себя. И здесь на помощь приходит заботливое задушево терапевта: балансируя между зоркой феноменологической наивностью и профессиональным знанием, психотерапевт движется к тому моменту психотерапии, когда клиенту окажутся больше не нужны подпорки и помощники. То, чего добивается феноменологически-ориентированный терапевт – это чтобы клиент сам теперь мог разговаривать с собой так, как с ним долгое время разговаривал психотерапевт: принимать себя как он есть, не предавать себя.

Феноменологически-ориентированная и экзистенциальная психотерапия, по сути, есть продолжение сократовского искусства вопрошания¹⁰. В диалоге Платона «Тэтет» Сократ сравнивает философствование с повивальным искусством своей матери Фенареты.

склонны держаться за свои предположения, убеждения, теории, интерпретации, и насколько мы готовы выдерживать собственную неопределённость, удержаться в незнании, постоять в растерянности, чтобы увидеть феномен как он есть, попытаться «быть с феноменом»? Тут важно понять: *от непонимания к пониманию последовательно — последовательными шагами — не прийти*. От несознания к сознанию тоже. Нет таких тропок и маршрутов. А есть события, события общения. И иногда, чтобы найти себя, надо себя бросить, говорить нам В. В. Бибихин¹¹, бросить себя-потерянного и обрести себя-потерявшегося, идущего в пространстве без указателей и заранеё проложенных путей. Ибо в подлинном смысле мы спрашиваем лишь из незнания, поскольку, отбрасывая все предпосылки, основывающиеся на само собой разумеющемся, или на наивной вере, мы преодолеваем почву естественного опыта и переходим на существенно новые основания, из которых наша прошлая достоверность должна быть осмыслена заново. В этом переходе незнание должно быть понято как момент позитивный в своей негативности, как возможность новой ступени знания и опыта, как такое обращение к себе, которое, возможно, только впервые и делает себя собой.

Подводя итог и помня о том, что феноменология не представляет собой ни законченную догму или систему, ни конкретные технические инструкции, которые можно было бы использовать для проведения феноменологического анализа, формулируем основные «зоны внимания» феноменологически-ориентированной оптики:

➤ Проблема мотивации — «потерять себя, чтобы стать собой», пробуждение от «догматического сна», забота о себе как становление *собственных возможностей*.

➤ Проблема языка — баланс между зоркой феноменологической наивностью и профессиональным знанием. Психотерапевт допускает в мир скрытые возможности клиента, которыми он чреват, он это ничему не учит, но помогает своими вопросами обрести собственное понимание. Вопросы обращают клиента к себе, снова и снова заставляют слушать себя, искать собственные тихие ответы, различать свой голос среди чужих голосов.

¹¹ Бибихин В. В. (из материалов лекций).

ности этого мира, то психотерапевт допускает в мир скрытые возможности клиента, которыми он чреват, он так же его ничему не учит, но помогает своими вопросами обрести *собственное* понимание.

Исследовательский потенциал феноменологии можно применить не только в феноменологическом консультировании, но и при проведении феноменологически-ориентированной супервизии. Здесь возможны два варианта работы:

➤ Феноменологическая супервизия психотерапевтического случая, исходя из какой-либо проблемы, возникшей у психотерапевта в ходе терапевтического процесса. Психотерапевт супервизирует одну из своих терапий, в которой оказывается востребован, уместен или полезен феноменологический взгляд, феноменологический разбор и феноменологическая дескрипция случая, исходя из возникшей в нём конкретной проблемы. Вместе с супервизором психотерапевт тренирует герменевтическое чутьё, учится проникать в мельчайшие капилляры мысли и чувств клиента. В завершении разбора случая супервизор предлагает рассмотреть обсуждаемую проблему в более широком философском контексте.

➤ Длительное феноменологическое сопровождение психотерапевтического случая. Это феноменологическое сопровождение всего терапевтического процесса, его постоянный анализ и разбор из феноменологической установки и в феноменологическом ключе. Такое длительное феноменологическое сопровождение отчасти выполняет и функции феноменологического консультирования, но на примере конкретного терапевтического случая, наблюдаемого на протяжении какого-то достаточно длительного времени.

Феноменологически-ориентированная психотерапия и супервизия полны неопределённости. Супервизант, конечно же, не может «законсервировать» пространство между собой как терапевтом и клиентом и принести его на супервизию. При этом зачастую именно это пространство и оказывается самым важным, но именно оно, в то же время, так трудно поддаётся словесному выражению. Насколько мы успешны в своих выводах, насколько мы

➤ Проблема Другого – «Без Ты невозможно Я». Другой входит меня в ранне не видимый для меня мир, он показывает мне то, что без него я не увижу. Сопереживание возможно тогда и только тогда, когда я готов к принятию Другого в качестве некоторого радикального нового опыта. Выход в открытость, удержание в неопределённости.

Попробуем ещё раз, суммировав, кратко указать на основные моменты феноменологически-ориентированной оптики, применяемой в психотерапии и супервизии:

- ✓ не идеологизированный подход, исследовательская установка;
- ✓ отсутствие экспертной позиции;
- ✓ отсутствие «компетенций»;
- ✓ интерес фиксируется на самой проблеме, нет готовых ответов или схем мышления;
- ✓ мышление с «чистого листа», практика удивления;
- ✓ удержание себя в растерянности и неопределённости;
- ✓ направленная беседа парресиестического толка;
- ✓ герменевтическая чуткость;
- ✓ мета-позиция, обретаемая в результате тренировки рефлексии;
- ✓ «забота о себе» как экзистенциальный мотив самоизменения.

Приложение 1.

Относ участников феноменологически-ориентированных супервизий.

Я бы хотела выразить большую благодарность коллегам, которые приняли участие в опросе по результатам групповых занятий, посвящённых феноменологической психотерапии и супервизии. С их согласия публикую здесь подборку ответов, которые мне очень помогли сориентироваться в том, что ещё четыре года назад было

для меня новым полем исследования, заявкой на аппликацию феноменологического метода к ведению супервизионных групп.

Участникам предлагалось ответить на три вопроса: 1. Чем могут вам феноменологические супервизии? 2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии? 3. Как бы вы сформулировали оптику, в которой они проходят?

Участник 1:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии?

- Помогают возвращаться к рефлексии своих установок, из которых я воспринимаю случай именно так, а не иначе, рефлектировать свою позицию по отношению к мнению коллег, к своим вопросам – заданным и произнесённым, лучше осознавать происходящее со мной.

- Помогают взращивать мотивацию на вовлечённость в опыт Другого, дистанцируя свои преубеждения и профессиональные знания, наполняя свою установку стремлением к пониманию. Методическая модель психотерапии по мере впускания в свою практику феноменологического подхода становится зыбкой и проницаемой для субъективности, обнаруживая ограниченную ценность. Отказ от неё вносит в жизнь неопределённость и тревогу, но в тоже время – дополнительную веру в себя и в мир.

- Укрепляют установку на важность описания опыта клиента, на сдерживание себя в желании домысливать за Другого, объяснять и интерпретировать услышанное (увиденное).

- Помогают практиковать способность видения нового, невидного для моего опыта в событиях и жизни Другого человека. Как результат – удивление, интерес, вовлечённость и удовлетворение от совместно прожитого. Особенно это обнаруживается тогда, когда коллега даёт обратную связь в конце встречи и его/её состояние порой похоже на воодушевление и радость от возможности восприятия ситуации с клиентом как перспективной и ресурсной для совместного взаимодействия.

- Феноменологическая супервизия – это хороший опыт возможного пребывания с коллегами в состоянии растерянности, не-

обнаружение своей сниженной мотивации на понимание другого, чрезмерная склонность к интерпретациям, избыток уверенности в своей позиции и явная тенденция ориентироваться на теории и научные знания.

3. Как бы Вы сформулировали оптику, в которой они прохотят?

- беспредпосылочное восприятие;
- личные усилия на понимание и совместное проживание феномена;
- описание, а не объяснение;
- открытость новому опыту и неопределённости;
- ссадинение естественной и феноменологической установок;
- исследование темпоральной целостности опыта;
- приоритет субъективности опыта;
- саморефлексия – как основополагающий способ исследования подлинного проживания;
- артикуляция – это лишь часть понимания;
- ориентация на вопрос «как?» предпочтительней, чем просто обнаружение личных смыслов и их содержания.

На сегодняшний день мне особенно важно акцентировать внимание на беспредпосылочном восприятии, личном усилении понимания и совместном проживании феномена, на его описании, а не объяснении, и на исследовании темпоральной целостности опыта.

Участник 2:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии?
- Такие супервизии помогают увидеть клиента более объёмно, расширяют возможность понимания моих затруднений и формулирования их в ракурсе наших с клиентом отношений.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии?

- Я не рассматриваю феноменологическую супервизию как ту, которая подходит для определённого типа клиентов, скорее, для моих собственных различных трудностей.

3. Как бы вы сформулировали оптику, в которой они прохотят?

знания, и последующее, особенно если происходит «вдруг», рождение нового видения проживаемой ситуации.

- Феноменологическая супервизия – это сверка услышанного, увиденного, так как иная позиция другого требует постоянного развита толерантности и готовности впускать несхожесть и разницу между нами, более того, обнаружение некоторых собственных установок и убеждений тоже заставляет делать усилие по их принятию или коррекции.

- Деликатность, корректность и забота коллег друг о друге при разборе случая дополнительно фокусирует моё внимание на ценности опыта другого и помогает рефлектировать степень моей вовлечённости в предьявленный феномен с учётом состояния другого, в том числе – не спешить что-то с этим делать, а просто проживать это, порой в молчании.

- Помогают возвращаться к вопросу уважительного отношения к выбору другого и его способа жизни, к постоянной сверке – по какому пути двигаемся: по его/её или же идём своим путём. Это помогает осознавать ситуацию лучше и не подталкивать клиента, не строить ожидания по поводу его изменений.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии?

- В случаях повторения каких-то проблем и трудностей взаимодействия с разными клиентами, где требуется рефлексия собственного вклада в происходящее.

- Когда в жизни терапевта происходят события, серьёзно влияющие на его привычное жизнеустройство и требующие понимания того, как это отразилось на его восприятии себя и мира, какие изменения произошли с ним, что потерял, что приобрёл и что приносит в терапию.

- С учётом того, что феноменологическая супервизия для меня – это один из эффективных методов «гигиены» ума, требующий интенсивной саморефлексии, полагаю, что было бы полезно участвовать в этом практикующему терапевту с определённой регулярностью, где повodom могут стать как затруднения в работе, так и

3. Как бы вы сформулировали оптику, в которой они прохоят?

- Феноменологические супервизии важны тем, что они позволяют увидеть ситуацию клиента и ситуацию меня с ним в терапии в большом пространстве. Если привести пример с деревом, то я могу увидеть только лист, картина больше – этот лист на ветке, ещё больше – это лист как часть большого дерева с корневой системой. И ещё больше – дерево с листом как часть большого мира. В феноменологической супервизии можно изменить оптику рассмотрения. В группе благодаря некоторому философскому и феноменологическому образованию сложился свой язык, понимание и навык так рассматривать терапевтический случай.

Участник 5:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии?

- Помогают шире увидеть переживаемый клиентом опыт, увидеть новые точки входа в его/её субъективность, развивать своё феноменологическое видение.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии?

- Есть предположение, что для меня была бы полезен этот формат, когда возникает ощущение, что не всё понятно по поводу клиента, когда не удаётся что-то услышать, почувствовать, «оказаться в его/её сапогах».

3. Как бы вы сформулировали оптику, в которой они прохоят?

- Если говорить об оптике, мне приходит в голову образ очков, которые вмонтирована мощная линза, смотря в которую открываешь для себя возможность всё глубже и глубже проникать в бытие клиента.

Участник 6:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии?

- Это помогает выходить из привычных контекстов, открывает новые ракурсы, тренирует заходы в феноменологическую позицию.

- Взгляд на клиента и мои отношения с ним через призму исследований смыслов, построения отношений, возможностей расширения собственной жизни клиентом очень расширяет моё внутреннее видение. При чём не важно, участвую ли я в качестве супервизанта или являюсь просто участником групповой супервизии.

Участник 3:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии?

- помогают соотнести клиническое видение с философским; - рождают плодотворные ассоциации; - помогают сменить способ взгляда на известные паттерны.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии?

- Не смогу выделить какого-то специального типа случаев. Для меня это, в первую очередь, развитие философского способа рассмотрения.

3. Как бы вы сформулировали оптику, в которой они прохоят?

- Очень ценным оказывается время для философского образования пера разбором терапевтических случаев или после них. Можно брать темы из терапевтических разборов в предыдущих встречах и разбирать не сам случай, а феномен с философской точки зрения.

Участник 4:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии?

- помогают оттачивать феноменологическую линзу; - формируют навык переноса философского видения в терапевтическую практику; - развивается способность переводить философский язык на язык практической психологии.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии?

- Дело не в случаях, а в трудностях, которые испытывает психотерапевт, а для меня – тогда, когда я чувствую, что чего-то не схватываю, не улавливаю, не чувствую.

3. Как бы вы формулировали оптику, в которой они проходят? - Это философское осмысление жизненного проживания.

Приложение 2.

Рене Магритт «Вероломство образов» (1929) ©

Список литературы:

1. Аверинцев С. С. Похвальное слово филологии. // Юность, 1969, № 1. С. 98-102.
2. Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004.
4. Гуссерль Э. Амстердамские доклады. Ч.1. // Логос, 1992, № 3. С. 62-81.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
6. Гуссерль Э. Идеи феноменологии. Пять лекций. СПб.: Гуманитарная академия, 2006.
7. Молчанов В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высш. шк., 1998.
8. Платон. Алкивиад I. // Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 220-267.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии? - Случаи могут быть любыми.

3. Как бы вы формулировали оптику, в которой они проходят? - Мне было особенно интересно и полезно, когда супервизор, отталкиваясь от представленного случая и его обсуждения, делает сообщение обобщающего плана с отсылками к философским концепциям, литературе, кино или своим размышлениям.

Участник 7:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии? - супервизии помогают расширить видение и понимание происходящего с клиентом и мной/нами; - способствует развитие философского способа мышления.
2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии? - Мне кажется, что любую работу с клиентом можно рассматривать в этом подходе.

3. Как бы вы формулировали оптику, в которой они проходят? - Феноменология для меня и есть оптика или метод рассматривания работы, так как это меняет привычный фокус исследования.

- Мне интересны не только разборки, но и теоретические размышления ведущего.

Участник 8:

1. Чем помогают вам феноменологические супервизии? - Супервизии способствуют расширению своей призмы понимания клиента, привнесению философского взгляда в практику, развитию собственного феноменологического языка.

2. В каких случаях вы бы обратились именно к этому формату супервизии? - В случаях потребности более целостного видения того, что происходит в процессе терапии, для развития навыка концептуализации.

9. Погоняло А. Г. Мышление и созерцание. СПб.: Наука, 2017.
10. Райнах А. О феноменологии. // Райнах Адольф. Собр. соч. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 327–350.
11. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парессии (1982-1983). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
12. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AD MARGINEM, 1997.
13. Чернавин Г. И. Философия троляя: феномен платных богов. М.: РИПОЛ классик, 2021.
14. Шелер М. Феноменология и теория познания // Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

ОТНОШЕНИЯ ТЕРАПЕВТА И КЛИЕНТА КАК ОПЫТ «МЫ-ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ»

Анна Малостова (Россия)

Понятие «интенциональность» является одним из центральных в феноменологии. Первоначально оно было использовано Ф. Brentano для описания психических переживаний, а именно – соотносённости психики и имманентного ей предмета (реального или воображаемого): «Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто предстается, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится» (1, с. 33). Э. Гуссерль рассматривал интенциональность как всеобщее свойство сознания, которое есть всегда сознание чего-либо: «переживаю» чего-либо и деятельность по установлению смысла (4). То, как предметная реальность конституируется в сознании, не равно «реальному предмету», мы имеем дело с модусами интенции, которые составляют содержание нашего сознания: слушание музыки не равно воспоминанию о ней, созерцание прекрасного пейзажа не есть фантазия о нём.

В своей книге «Я и Другой» Дэн Захави рассуждает о феномене Мы-интенциональности (14). Автор подчёркивает, что опыт Мы является совершенно особенным, когда человек, вместо того чтобы приписывать некоторый опыт себе или другому, будь то чувство или событие, приписывает его Нам. Так мы можем радоваться некоторому совместному опыту (совместной прогулке, игре на инструментах, просмотру фильма и т. д.). Но такая радость будет отличаться от отдельной Моей или отдельной Твоей радости. В неё включены Я и Другой, то есть мы имеем дело с опытом совместной-